

**Забытый бог, открытый слог,
или Как делить слова на слоги
и для переноса**

О.Е. Вороничев

Давно назрела необходимость **разграничить слогораздел и деление слова на части для переноса**, так как в школьной практике эти понятия, как правило, все еще смешиваются, в результате чего у учащихся формируется ложное представление о слоге как о графической, а не фонетической единице, которой он прежде всего является. Поэтому один ученик делит слово *шерстка* на слоги: *шер-стка*; другой – *шерс-тка*, а третий – *шерст-ка*, и учитель может лишь авторитетно согласиться с одной или даже несколькими версиями, не подозревая о том, что они являются только возможными вариантами переноса.

Пренебрежение законами языка и логикой его развития приводит к тому, что на вступительном экзамене в вузе проверка грамматического задания, в том числе и фонетического анализа слова, часто становится для преподавателя пустой формальностью. Ведь он вправе проверять у абитуриента лишь реальные знания, которые сводятся в конечном счете к зазубренному в большей или меньшей степени комплексу орфографических и пунктуационных правил, так как «обучение родному языку принесено в жертву идолу правописания» [13, с. 52–55]. Поэтому «мудрый» преподаватель вуза, идя на компромисс со школьным учителем, должен предлагать абитуриенту «удобные» для того задания. Например, давать для фонетического разбора только те слова, которые будут члениться на слоги одинаково в соответствии почти со всеми существующими теориями слогораздела, т.е. слова типа *е-же-ви-ка*, *сде-ла-ешь* и т.п., но ни в коем случае не давать такие слова, как *разжи-*

гается, *подстроеного* и т.п., которые фонетически более интересны, однако экзаменуемые, скорее всего, разделят их на слоги так: *раз-жи-га-ет-ся* и *под-стро-ен-но-го* (автор не раз убеждался в этом, работая со студентами) и допустят в каждом случае две грубые ошибки, не ведая о том, что они совершенно правильно разбили эти слова на части – для переноса, но отнюдь не на слоги. Однако самое печальное то, что и студенты, получившие в вузе (на 1-м курсе) необходимую информацию о фонетическом уровне языка, в том числе о различных теориях слогораздела и в первую очередь о сонорной теории Р.И. Аванесова, приходят работать в школу и отдадут предпочтение «традиционной системе», подстраиваясь под общий фон и не желая вступать в конфликты с руководителями методобъединений. И лишь некоторые выпускники педвуза изредка вспоминают о методическом примечании в наиболее популярном учебнике по русскому языку для студентов факультетов начальных классов: «В учебниках для начальной школы говорится о том, что слова переносятся с одной строчки на другую по слогам. Если при этом встречается слово с сочетанием согласных, то при определении слогораздела и при переносе это сочетание *всегда* (курсив наш. – О.В.) членится: *нит/ка*, *сос/на*, *кус/ты*, *кук/ла*, *мед-ведь*, *дерев-ня*, *руб-лю*. Учитель должен помнить, что такое членение, во-первых, не всегда соответствует слогоразделу, который в этих случаях проходит перед сочетанием согласных, и, во-вторых, при переносе является *одним из*

возможных (курсив наш. – О.В.): правила допускают перенос *ни-тка, ме-дведь* и т.п.» [10, с. 192–193], – вспоминают, но не знают, как практически использовать это внутренне противоречивое указание.

Однако существуют и объективные причины, которые частично избавляют учителей от ответственности за царящий слогораздельный хаос. Главная из них – отсутствие как в общем языкознании, так и в русистике единого, общепринятого взгляда на содержание понятия «слог», а значит, и на место слоговой границы. Например, С.В. Кодзасов, автор статьи «Слог» в «Лингвистическом энциклопедическом словаре», считает, что «русские звуковые цепи основаны на чередовании вокалических "вершин" и консонантных "склонов", слогоразделы в интервокальных комплексах согласных неопределенны ввиду невыраженности дистрибутивных схем слога (о-стрый / ост-рый / ост-рый)» [11, с. 470].

Не останавливаясь подробно на всех существующих теориях слога и слогораздела, следует отметить, что в языкознании слог традиционно рассматривается в двух основных аспектах: артикуляторном (с позиций говорящего) и акустическом (с позиций слушающего). Из артикуляторных теорий слога наибольшее распространение в русистике получили **эспираторная (выдыхательная) теория** Р. Стетсона и **теория мускульного напряжения** Л.В. Щербы, который наиболее полно развил идеи Л. Рудэ, А. Абеле и М. Граммона.

Согласно **эспираторной теории**, «слог является единицей в том смысле, что он всегда состоит из одного выдыхательного толчка, который обычно становится слышимым благодаря гласному и начинается или заканчивается согласным» [цит. по 7, с. 253]. В таком случае критерием определения количества слогов в слове может быть, например, число колебаний пламени свечи, подносимой к губам при артикуляции данного слова. Эта теория сегодня взята за основу в на-

чальной школе несмотря на невозможность объяснить с ее помощью, почему, например, при произнесении слов *льды, мгла, сплав, метр, рубль* и т.п. пламя свечи колеблется два раза, хотя в них по одному слогу, или, напротив, почему при произнесении некоторых двусложных слов – например, междометия *ау*, собственного имени в Р.п. *Зои* и т.п. – пламя поколебалось только один раз. На эти вопросы могут ответить только другие теории.

Теория мускульного напряжения определяет слог как сочетание звуков, произносимых с разной степенью напряжения речевого аппарата, которое достигает апогея при артикуляции слогообразующего звука (обычно гласного). Таким образом слоговая граница внутри группировки согласных в начальной и неконечном слоге зависит от положения согласного по отношению к ударному гласному: последующий согласный считается сильноначальным и свойственным закрытому слогу, а предшествующий называется сильноконечным и характерен для открытого слога. Поэтому слова нужно делить на слоги так: *нас-та*, но *со-сна*. Однако Л.В. Щерба, излагая свою концепцию, косвенно признает и ее недостатки: «Деление на отрезки-слоги обусловлено последовательными усилениями и ослаблениями в произношении звукового ряда. Начало слога определяется возрастающим усилением, конец слога – постепенным ослаблением... Вследствие того, что в русском языке эти различия обычно не имеют семантического значения, эти ослабления и усиления речевого потока иногда трудно уловить и осознать» [6, с. 72]. Л.В. Бондарко, рассматривая теорию Щербы, находит объективную причину этих трудностей: «Принять представление о слоге как импульсе мускульной напряженности, в вершине которого находится гласный, мешает и то, что гласные характеризуются разлитой напряженностью, а согласные – локализованной в одном месте. Измерить и сравнить напряженность во время произнесения гласного и во время про-

изнесения согласного – одна из сложнейших экспериментальных задач, которая ждет своего решения» [5, с. 100].

Из акустических теорий наибольшую популярность завоевала **сонорная теория** О.Есперсена, разработанная для русского языка Р.И. Аванесовым. Именно эта теория сегодня господствует в высшей школе, но остается, за редким исключением, не принятой в школе общеобразовательной. Чтобы разобраться в причинах такого неприятия, нужно сначала вспомнить основные особенности этой концепции. Р.И. Аванесов, анализируя структуру слога, приходит к выводу о том, что в русском языке слоги образуются чередованием более звучных и менее звучных звуков и каждый слог представляет собой волну сонорности (звучности), пиком которой является слогаобразующий звук (обычно гласный). Следовательно, «при изучении слога-раздела в русском языке существенно различение трех категорий: 1) гласных – звуков максимальной звучности; 2) сонорных согласных, включая в их состав [j] ([i]), который в русском языке разделяет признаки сонорных – звуков меньшей звучности по сравнению с гласными, но большей звучности по сравнению с остальными согласными; 3) шумных согласных – звуков наименьшей звучности» [1, с. 89]. Впоследствии для большей точности и удобства слогораздела к трем основным коэффициентам сонорности был добавлен четвертый, позволивший дифференцировать звучность глухих и звонких шумных, и индексы звучности были расположены не в убывающей, а возрастающей последовательности: 1) шумные глухие; 2) шумные звонкие; 3) сонорные; 4) гласные. Эта нумерация ступеней звучности вошла в наиболее авторитетные учебники по русскому языку для высшей школы (см., например: [16, с. 125; 10, с. 189] и др.). Исходя из названных критериев, «основной закон слогораздела в русском языке, – по мнению Р.И. Аванесова, – заключается

в том, что неначальный слог всегда строится по принципу восходящей звучности. При этом конечный звук неконечного слога бывает звуком наибольшей звучности, т.е. слоговым, образуя открытый слог, или, находясь после слогового звука (обычно гласного), звуком меньшей звучности – сонорным, образуя закрытый слог, благодаря чему в обоих случаях получается так, что последующий слог имеет в своем начале восходящую звучность» [1, с. 89].

Таким образом, с позиций сонорной теории следует делить слова на слоги с учетом тенденции к открытости последних и степени звучности каждого согласного в консонантном интервокальном сочетании, т.е. звуки могут следовать друг за другом в пределах одного слога только в порядке возрастания их звучности, а в месте ее спада и относительной паузы проходит граница слога. Причем если принцип возрастания звучности вступает в противоречие с тенденцией к открытости слога (согласно статистическим подсчетам, проводившимся с применением теории мускульного напряжения Л.В. Щербы, в русском языке около 85% слогов – открытые и большинство из них соответствуют модели СГ или ССГ, т.е. «согласный + гласный» или «согласный + согласный + гласный», например: *ру-ка, све-ча, ко-шка, про-сти* и т.п.), то вопрос о слоговой границе решается в пользу первого принципа и на слоги слова должны члениться так (с учетом их звукового, а не буквенного облика): $\overset{3}{\text{м}}\overset{4}{\text{о}}\overset{3}{\text{л}}\overset{4}{\text{о}}\overset{1}{\text{к}}\overset{4}{\text{о}}$, $\overset{4}{\text{о}}\overset{2}{\text{б}}\overset{3}{\text{р}}\overset{4}{\text{ы}}\overset{1}{\text{в}}$, $\overset{1}{\text{п}}\overset{3}{\text{р}}\overset{4}{\text{о}}\overset{1}{\text{с}}\overset{3}{\text{м}}\overset{4}{\text{о}}\overset{1}{\text{т}}\overset{3}{\text{р}}\overset{4}{\text{е}}\overset{1}{\text{т}}\overset{4}{\text{ь}}$, но $\overset{4}{\text{а}}\overset{3}{\text{р}}\overset{2}{\text{б}}\overset{4}{\text{у}}\overset{1}{\text{з}}$, $\overset{1}{\text{т}}\overset{4}{\text{а}}\overset{3}{\text{й}}\overset{2}{\text{г}}\overset{4}{\text{а}}$, $\overset{3}{\text{л}}\overset{4}{\text{е}}\overset{1}{\text{н}}\overset{3}{\text{т}}\overset{4}{\text{а}}$, $\overset{4}{\text{а}}\overset{3}{\text{р}}\overset{1}{\text{х}}\overset{4}{\text{а}}\overset{3}{\text{н}}\overset{2}{\text{г}}\overset{4}{\text{е}}\overset{1}{\text{л}}\overset{3}{\text{ь}}\overset{2}{\text{ц}}\overset{4}{\text{ы}}$ и т.п. Следовательно, место слоговой границы в конечном счете зависит от того, в какой позиции находится сонант: после шумного или перед ним. В первом случае в полном соответствии с сонорной теорией звучность постепенно возрастает (см. на индексы сонорности) и вершиной звуковой волны становится гласный, после которого проходит слоговая граница. Во втором случае принцип восходящей звучности запрещает

(в неначальных и неконечных слогах) сочетание «сонорный + шумный» в рамках одного слога, поскольку сонант обладает большей степенью звучности; поэтому граница слога проходит между этими звуками: сонорный отходит к предшествующему гласному, образуя закрытый слог, а шумный становится началом следующего слога. При сочетании [i] («и» неслогового, слабого варианта согласной фонемы [j]) с сонорным препозиционный [i] включается в предыдущий слог (например: *тай-на, пой-ма* и т.д.), так как этот особый неслогообразующий «полугласный» звук русского языка обладает более высоким по сравнению с сонантом индексом звучности. Эта теория представляется весьма логичной, но в ней есть серьезные **противоречия**.

Во-первых, нет оснований для противопоставления неначального слога начальному, который в русском языке часто строится вопреки принципу восходящей звучности: *мхи, рты, льды* и т.д., – ведь «с фонетической точки зрения непонятно, почему сочетания, разрешенные в начале слова, оказываются невозможными в середине его» [5, с. 103]. Еще М.В. Ломоносов считал, что начало неначального слога (по терминологии ученого, «склада») образуется теми же сочетаниями согласных с последующим гласным, которые могут начинать собою слово. Свое наблюдение М.В. Ломоносов подтвердил примерами: *у-жа-сный, чу-дный, дра-хлый, то-пчу*, – указывая, что такими же сочетаниями согласных *сн, дн, хл, пч* начинаются слова снег, дно, хлеб, пчела (см. [12, с. 428]).

Во-вторых, помимо основных 4-х ступеней звучности существуют и другие. Основоположник сонорной теории О.Есперсен устанавливает следующую градацию звуков по сонорности: 1) глухие смычные согласные; 2) глухие щелевые согласные; 3) звонкие смычные; 4) звонкие щелевые; 5) носовые; 6) боковые; 7) дрожащие; 8) гласные верхнего подъема; 9) гласные среднего подъема;

10) гласные нижнего подъема (см. [7, с. 253]). Возникает еще один внутритеоретический парадокс: вопреки провозглашенному принципу возрастающей звучности становится возможным членение *ма-ска, ре-зба, вра-жда* и т.п., при котором в первом слоге более звучный щелевой предшествует менее звучному взрывному.

В-третьих, не выработаны четкие акустические (перцептивные) критерии объединения гласного и окружающих его согласных в один слог, так как «в настоящее время исследований, подтверждающих перцептивную реальность слога как волны сонорности, нет, и все рассуждения сторонников этой теории строятся на определенном наборе правил, постулируемых на основе исходной гипотезы, но не проверенных в речевой деятельности человека» [5, с. 98–99].

И, наконец, сам Р.И. Аванесов иллюстрирует действие выдвинутого им основного принципа слогораздела множественным отступлений, ставящих под сомнение весь механизм (например, исследователь считает, что при наличии сочетания [рж] с последующим согласным «слогораздел проходит не после [р], как следовало бы ожидать, а после шипящего согласного перед следующим шумным. Ср.: [зл'д'эрш/къ], [ис-т'лрш/кá] (из Торжка), [п'эт'и'р-бурш/ск-ъ'я]...» [1, с. 90]; пишет о том, что граница слога может совпадать с морфемным швом, и приводит примеры: [б'и'с/слá/внъ], [б'и'з/злó/бнъ] и т.д.), и не отрицает главного недостатка своей системы, который, на наш взгляд, является общим для большинства теорий слогораздела – как основных, уже обзорно рассмотренных нами, так и менее распространенных: имплозивно-эксплозивной, динамической, нейрофизиологической и др. И недостаток этот заключается в том, «что все изложенные наблюдения нуждаются в проверке методами инструментального исследования» [1, с. 89], т.е. представляют собой результаты использования субъективных и ограниченных природой возможностей че-

ловека, а не объективные данные точных приборов, способных во много раз увеличивать эти возможности.

Итак, ни одна из рассмотренных теорий не дает исчерпывающего объяснения фонетической природы слога, хотя каждая из них заслуживает внимания и позволяет еще на один шаг приблизиться к постижению этого сложного акустического и нейрофизиологического явления. **Каким же принципом слогораздела следует в таком случае руководствоваться в школе,** если даже специалисты высокого уровня не могут прийти к единому или, по крайней мере, наиболее приемлемому взгляду на эту проблему, трудноразрешимую для общего языкознания, поскольку «не существует общих для всех языков факторов, обуславливающих деление речи на слоги» [7, с. 256]? Между тем убедительный ответ на этот вопрос в отечественной экспериментальной фонетике, исследующей строение русского слога при помощи точных приборов – спектрографов, осциллографов и др., существует уже более трех десятилетий. **Исследования Л.В. Бондарко** и других ученых-экспериментаторов приводят к простому

выводу о том, что **в русском языке определяющее влияние на слоговую структуру имеет все тот же древний закон открытого слога (ЗОС),** абсолютному действию которого подчинялась речь многих поколений наших предков. Вот что пишет об этом один из ведущих исследователей исторической грамматики русского языка В.В. Иванов: «Первой закономерностью, которая характеризовала структуру слога древнерусского языка, был закон открытого слога (разрядка В.В. Иванова. – О.В.), сущность которого заключается в том, что слог в общевосточнославянском языке оканчивался только на слоговой звук, т.е. в подавляющем большинстве на гласный, например *столъ, братъ, дворъ, сньгъ, знакъ*... Закон открытого слога определил тот факт, что в древнерусском языке не могло быть согласных звуков на конце слов, ибо в этом случае конечный слог оказывался бы закрытым. Этот же закон обусловил ограниченность в языке сочетаний согласных: в середине слов были лишь такие группы согласных, которые могли начинать слог» [8, с. 86]. Действие этого закона, в частности, приводило к тому, что в древнерусском языке не было чередований согласных по звонкости – глухости в позиции на конце слова, так как конечную позицию мог занимать только редуцированный гласный, а звонкие шумные, занимая сильную позицию перед этим гласным, не оглушались: [сáдъ], [дúбъ], [вóзъ]. Эти и подобные слова были двусложными, и доминирующей моделью слога было сочетание СГ (согласный + гласный). В.В.Иванов отмечает, что «закон открытого слога *частично* (курсив наш. – О.В.) сохраняет свою актуальность и в современном русском языке, где неначальный слог строится по принципу восходящей звучности» [8, с. 87], и ссылается при этом на монографию Р.И. Аванесова «Фонетика современного русского литературного языка» (МГУ, 1956), в которой изложены принципы сонорной теории.

Однако результаты эксперимен-

тальных исследований, проведенных Л.В. Бондарко совместно с сотрудниками Института физиологии АН СССР в начале 60-х годов, доказывают, что ЗОС лишь частично утратил былую силу (см. [15, с. 131]). Данные, полученные на основе анализа осциллограмм и спектрограмм, говорят о том, что в современном русском языке наиболее распространенным остается слог СГ и «модель ГС не может считаться симметричной модели СГ ни в отношении конкретных фонетических характеристик фонологически существенных признаков, ни в отношении контрастирования между элементами в слоге, ни в отношении строгой связи между реальными звуковыми единицами и фонематической моделью», из чего следует, что правила русского слога деления «к сожалению, построены без учета этих особенностей и требуют дальнейшего уточнения» [2, с. 46]. Кроме того, результаты опытов подтвердили гипотезу выдающегося русского лингвиста А.И. Томсона о том, что в современном русском языке конечные твердые согласные окрашены на [ть] («ер»), а мягкие – на [ь] («ерь»), т.е. слово в этом случае фактически по-прежнему (как и в древнерусском языке) может оканчиваться только гласным звуком, но свёрхредуцированным – так называемым «глухим гласным» или полугласным. Этот звук редуцирован в такой степени, что он не в силах воспрепятствовать оглушению конечных звонких шумных и даже частичному оглушению сонорных. Л.В. Бондарко констатирует: «Если взрыв начального (в слоге СГ) согласного характеризуется мгновенным распространением по всему спектру и опознается удовлетворительно только в соседстве с гласным, то конечные согласные характеризуются тем, что в спектре взрыва отчетливо выделяются отдельные области концентрации энергии; при этом длительность взрыва возрастает в несколько раз (с 15–25 мсек в СГ до 70–85 мсек в ГС)» и обобщает: «...наличие глухого гласного в этих случаях подтверждается как с

точки зрения спектральных характеристик, так и с точки зрения восприятия этих гласных» [2, с. 46]. Таким образом вопреки традиционному представлению об односложности слов *кот, дом, хлеб* и т. п. мы на самом деле произносим их как двусложные, поскольку связь согласных, находящихся в абсолютном конце слова, «с предшествующим гласным очень слаба, и... в абсолютном конце слова может образовываться дополнительный "паразитический" слог... или же конечный согласный теряет свойства "согласности", если это сонант, и тогда образуется нечто вроде конечного полугласного, т.е. открытый характер слога сохраняется (например, произносится *ко-т, смо-тр*)» [4, с. 137].

Более того, анализируя результаты опытов, Л.В. Бондарко вместе с коллегами приходит к заключению не только о том, что «поток речи членится на последовательность открытых слогов, даже если между гласными находятся сочетания согласных, причем независимо от качества этих согласных» [3, с. 19], но и о том, что «произносительный комплекс, который мы называем открытым слогом, является такой минимальной единицей, которая не разрушается даже под влиянием межсловной границы» [4, с. 139]. К такому утверждению приводит, например, сопоставление речевых отрезков *забыли стужи* и *Борис тужит*. В них «согласные *ст* в одинаковой мере подвержены влиянию лабиализованного гласного, с которым они образуют один слог: *за-бы-ли-сту-жи, ба-ри-сту-жи-т*» [там же]. Поэтому, по мнению Л.В. Бондарко, «между членением речи на произносительные единицы (слоги) и на смысловые единицы (морфемы, слова, фразы) нет совпадения (разрядка Л.В. Бондарко. – О.В.), скорее даже существует противоречие» [там же].

В итоге Л.В. Бондарко делает логичный, основанный на показаниях точных приборов вывод о том, что «единственной реальной произносительной единицей является

открытый слог и... любая речевая последовательность произносится человеком как последовательность открытых слогов (разрядка Л.В. Бондарко. – О.В.)» [там же] и что «существующая в русском языке тенденция к образованию открытых слогов сильна и целиком определяет характер слогоделения» [4, с. 137].

Следовательно, ЗОС, как показали результаты многочисленных и разнообразных экспериментов Л.В. Бондарко, остается в русском языке самым сильным фонетическим законом, на действие которого не влияют ни место ударения в слове, ни шумность-сонорность согласных, ни их интервокальная комбинация (так как «любая последовательность типа СГССГ (например, *тайна, парта*. – О.В.) распадается на две произносительные единицы следующим образом: СГ-ССГ (т.е. *та-йна, па-рта*. – О.В.)» [4, с. 134], ни границы между морфемами, словами и даже фразами в потоке речи. (Просьба извинить за частое цитирование Л.В. Бондарко, которое здесь вполне уместно и необходимо, поскольку трудно сказать о чьей-либо научной концепции лучше ее автора. Тем, кто серьезно заинтересуется обсуждаемой проблемой, советуем прочитать цитируемые первоисточники, особенно монографию «Звуковой строй современного русского языка».)

Теория Бондарко представляется наиболее рациональной, и остается лишь сожалеть о том, что она до сих пор не получила широкого распространения не только в школьном, но и вузовском курсе русского языка. На это, видимо, повлияли скорее субъективные, чем объективные причины, так как Л.В. Бондарко – представитель ленинградской, а не московской фонологической школы, с позиций которой сегодня изучается фонетика и фонология в большинстве педагогических вузов. Не принимая концепцию ЛФШ в целом, не следовало, наверное, «выплескивать вместе с водой ребенка», т.е. теорию открытого

слога. Поэтому неудивительно, что, например, в статье «Слог и ударение» 10-го тома новейшей энциклопедии для детей (Языкознание. Русский язык. – М.: Аванта+, 1998) в числе других теорий слога более подробно рассматривается сонорная, но ни слова не говорится о теории Бондарко. Однако вселяет оптимизм тот факт, что в последнем (2-м, переработанном; 1-е было в 1979 г.) издании авторитетной научно-популярной энциклопедии «Русский язык» («Дрофа», 1998) обзорные статьи «Звуки речи» (с. 135–136), «Слог» и «Слогораздел» (с. 511–513) написаны уже Л.В. Бондарко, и в последних двух из них вкратце изложены основные положения ее теории. Это явный признак прогрессивных изменений во взглядах представителей высоких научных кругов на данную проблему.

Тем не менее предоставим ведущим ученым-фонологам право решать этот вопрос для высшей школы, т.е. рекомендовать концепцию Л.В. Бондарко как основную теорию русского слогораздела или оставить в этой роли менее объективную систему Р.И. Аванесова. Проблема в другом: **какой системы слогоделения следует придерживаться сегодня в общеобразовательной школе**, ибо, как показывает практика, здесь нет вообще никакой системы. (Это утверждение не относится к тем редким учителям, которые уже успешно работают по какой-либо известной теории слогоделения.) Исходя из того, что, во-первых, наличие определенной системы лучше, чем полное ее отсутствие, и, во-вторых, потому, что **слогораздел в соответствии с теорией Бондарко** не только наиболее научно обоснован, но и **наиболее прост для восприятия младшего школьника** по сравнению с системами, базирующимися на других теориях (например, сонорная теория предполагает заучивание по крайней мере четырех ступеней звучности), **можно дать учителю следующие конкретные рекомендации:**

1. Во избежание терминологической путаницы **не называть деление слова**

на части для переноса делением на слоги (за исключением тех случаев, когда эти понятия совпадают: *мо-ло-ко*, *ма-ма-мы-ла-ра-му* и т.п.). Не нужно забывать, что «перенос по слогам и нетруден, и единообразен, когда слово состоит из попеременно чередующихся согласных и гласных звуков: *до-ро-га*, *зо-ло-той*. В тех же случаях, когда в слове имеется стечение согласных, перенос осложняется. Современное толкование самого слога деления не единообразно в этом случае» и что «правило ограничивается запрещением переносить слоги, если они состоят из одного звука (на письме – буквы), и разбивать морфемы (например: *при-слать*, а не *прис-лать*)» [9, с. 166–167]. Так как в первом классе гораздо важнее сначала научить ребенка правильно переносить слово, то следует называть подготовительную операцию «**делением на части для переноса**» (или на «отрезки», «кусочки», «дольки» – можете продолжить этот ряд) – т.е. выбрать наиболее удобный и понятный детям термин, но быть крайне осторожным, называя этот элемент слогом только в том случае, если он, действительно, таковым является (лучше вообще не использовать

термин «слог» до тех пор, пока не будут освоены азы фонетики).

2. В период изучения фонетики **привести** в сознании ученика **четкую грань между графическим и фонетическим обликом слова**, так как буквы далеко не всегда обозначают звуки, и **рассматривать слог только как фонетическую, а не графическую единицу** (откройте любой учебник по языку и посмотрите, в каком разделе лингвистики изучается слог: «Фонетика» или «Графика»). Следовательно, **слова нужно делить на слоги только с учетом их звукового, а не буквенного состава**, для чего очень важно, чтобы ученик сначала научился видеть в слове звуки, отличать их от букв, а затем в рамках школьной программы научился грамотно транскрибировать эти слова (с примыкающими к ним безударными служебными частями речи – проклитиками и энклитиками, – образующими единые фонетические слова с теми, на которые падает ударение), например: *разжигаются* – [ра-жы-га́-йу-ца]; *подстроенного* – [па-цтрó-йэ-на-ва] (в графическом варианте: ра-зжи-га-ю-т-ся; по-дстро-енно-го); *давай же* – [да-ва́-йжэ], *из-под стола* – [и-спа-цта-ла́]; *арбуз* – [а-рбу́с]; *лента* – [л'э-нта]; *с края* – [скра́-йа]; *лайка* – [ла́-йка] и т.д. (транскрипция дается в упрощенном варианте для начальной школы). Как видим, **неконечный слог всегда остается открытым**.

3. Полезно **сопоставлять слогораздел с делением для переноса и выявлять принципиальные отличия** в тех случаях, когда они есть, например: *разжигается*, но *разжигается* (два несовпадения).

4. Для школьного слога деления следует все же, на наш взгляд, сделать одно исключение из теории Л.В. Бондарко – не считать конечный согласный отдельным слогом, – поскольку в этом случае нарушается общий для всех остальных теорий принцип: число слогов в слове, как правило, определяется количеством гласных звуков. Думается, школа еще не созрела для по-

добного резкого переворота в традиционных представлениях, и такие слова как *конь*, *луг*, *рост*, *смотр* и т.п. в школьной практике слога деления предпочтительнее рассматривать как односложные, а конечные слоги в них признать условно закрытыми. Пока можно считать данный частный аспект дискуссионным и оставить за постигшим суть явления школьным учителем право выбора, как, впрочем, и право выбора регламентирующей теории слогораздела: сонорной Р.И. Аванесова, мускульного напряжения Л.В. Щербы или открытого слога Л.В. Бондарко, ведь, как уже сказано, важно наличие хоть какой-либо системы. Разумеется, лучше, если она будет общепринятой, простой и научно обоснованной. С этих позиций принцип слогораздела, предложенный Л.В. Бондарко, представляется наиболее целесообразным. Вместе с тем главная цель применения любой теории – не подменить при слога делении фонетический облик слова графическим.

5. Пересмотреть содержание учебной литературы и учебно-методических программ с целью внесения в них соответствующих изменений, а также уделить внимание этому вопросу на курсах переподготовки учителей как начального, так и среднего звена.

Подвести итог своим размышлениям хочется более эмоционально: пусть прекратится беспредел, зовущийся «слоγοраздел»! Не стоит отрываться от исторических корней родного языка, тем более не следует смешивать орфографические (даже полиграфические) правила переноса с фонетическим законом слогораздела. Так что же вы предпочтете, господа учителя: систему и ЗОС или хаос и SOS? Остается надеяться, что каждый из вас, прочитавших эту статью, сделает правильный выбор и поможет своим коллегам и ученикам избавиться в новом веке от старых заблуждений.

Литература

1. Аванесов Р.И. О слогоразделе и строении слога в русском

языке // Вопросы языкознания. 1954, № 6.

2. Бондарко Л.В. Структура слога и характеристики фонем // Вопросы языкознания. 1967, № 1.

3. Бондарко Л.В., Павлова Л.П. О фонетических критериях при определении места слоговой границы // Русский язык за рубежом. 1967, № 4, с. 19.

4. Бондарко Л.В. Звуковой строй современного русского языка. – М.: Просвещение, 1977.

5. Бондарко Л.В., Вербицкая Л.А., Гордина М.В. Основы общей фонетики. – Л.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1991.

6. Грамматика русского языка. Т. 1. – М.: АН СССР, 1952, с. 72.

7. Зиндер Л.Р. Общая фонетика. – М.: Высш. школа, 1979.

8. Иванов В.В. Историческая грамматика русского языка. – М.: Просвещение, 1963.

9. Иванова В.Ф. Современная русская орфография. – М.: Высш. школа, 1991.

10. Касаткин Л.Л. и др. Русский язык. В 2-х ч. Ч. 1. – М.: Просвещение, 1989.

11. Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Сов. энциклопедия, 1990.

12. Ломоносов М.В. Российская грамматика. – ПСС, т. VII. – М.; Л.: 1952, с. 428.

13. Петрановская Л. Введение // Энциклопедия для детей. Т. 10. Языкознание. Русский язык. – М.: Аванта+, 1998.

14. Русский язык: Энциклопедия. – М.: Большая Российская энциклопедия; Дрофа, 1998.

15. Чистович Л.А., Кожевников В.А. и др. Речь. Артикуляция и восприятие. – М.; Л.: 1965, с. 131.

16. Шанский Н.М., Иванов В.В. Современный русский язык. В 3-х ч. Ч. 1. – М.: Просвещение, 1981.

Олег Евгеньевич Вороничев – канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка и методики его преподавания факультета начальных классов Брянского педагогического университета.